

ТРАВНИЦА

12+

КСЕНИЯ СКВОРЦОВА

Ксения Скворцова

Травница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65755602

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир Лены очень маленький. Предсказуемый. Безопасный. Такой родной. Она, мама, грёзы и никаких злых одноклассниц.

Ксения Скворцова

Травница

Чик-чик-чик.

Ленины косички падают на пол.

Она хлопает носом. Трёт красные глаза. Пытается сдерживать слёзы.

Одноклассницы хихикают.

Две из них сдерживают Ленины руки и голову. Ещё одна, главная, прямо перед девочкой трясёт ножницами. Лена инстинктивно жмурится – лишь бы не задела глаза...

Чик...

В школе так тихо. Ни звука не донесётся из коридора, а ведь дверь открыта. Даже старшеклассники, которым сдавать экзамены и которые обычно уходят из школы не раньше шести вечера, разошлись. Как назло! А что техничка?.. А охранник? Неужели они не услышали криков Лены о помощи, когда эти дуры набросились на неё? Или, может быть, им всем всё равно?.. Или так сложились звёзды?..

Чик-чик-чик!

Господи...

Лена всхлипывает.

Плевать. Пле-вать. Хотя ей только тринадцать, Лена давно поняла, что нельзя полагаться ни на кого, кроме себя.

Так.

Нужно выровнять дыхание. Сейчас не время для слабости, главное – выбраться отсюда живой и невредимой. Плакать и пожалеть себя она сможет и после.

Это даже хорошо – если сможет...

– Ведьма. Ты ведьма! – говорит своим поганым ртом девочка с ножницами. – Таких, как ты, сжигали заживо. Ты не должна быть с нормальными людьми.

Лена, забыв про вспыльчивость обидчиц, высмеивает злые и глупые слова:

– Ты серьёзно веришь в это? Считаешь меня ведьмой только потому, что я учусь на отлично и у меня самые красивые волосы в классе? Это называется завистью, и работать нужно со своей головой, а не искать виноватых в своих бедах... Ай!

Одна из школьниц дёргает за остатки волос, задирает Лене голову. Тяжело дышать.

Так. Тяжело. Дышать.

И не свихнули бы шею...

– Твоя мама тоже ведьма, так все говорят. Навела на мою маму порчу, и теперь у неё всё время болит голова.

Непонятно, как в таком положении можно умудриться разговаривать, но Лена умудряется:

– Твоей маме нужно к врачу скорее, дело может быть серьёзным. И порча тут ни при чём. Порч вообще не существует. Откуда вы это придумали? Вам самим-то за себя не стыдно?

– Все знают, чем вы со своей мамочкой занимаетесь. Живёте на краю города, почти что в деревне, в леса ездите, травы собираете, ни с кем не общаетесь...

– У нас есть свой круг общения, и попадают в него только добрые и мудрые люди, мамам туда не светит! Ну вы совсем из ума выжили? Мы любим чаи травяные, они очень полезные, укрепляют иммунитет. А на природе всегда хорошо и спокойно, можно просто гулять и ни о чём не думать. Что в этом ужасного, что вас так пугает?

Другие одноклассницы шушукаются, что в этом есть здравый смысл, но вот девочку с ножницами не переубедить. Хотя ослабить хватку своим приспешницам она всё же разрешает.

Лена кашляет.

Так, дела уже не так плохи, как было. Теперь она хотя бы не задохнётся. Взгляд падает на пучок своих пшеничных волос в руках девочки с ножницами. Из зависти испортить причёску... Да она же настоящая маньячка! Разве так можно?..

Стоп. Стоп, стоп, стоп, Лена. Это всё потом, потом, потом... Сейчас самое главное – выжить.

Вообще про ведьмовство – это правда. Но такими глупостями, как порча или проклятья, Ленин род никогда не занимался. Настоящее ведьмовство заключается в том, чтобы ценить каждую секунду своей жизни, любить и беречь мать-землю и слушать свою интуицию. Всё. Это просто такое мировоззрение. Но вряд ли это можно объяснить тому, кто слу-

шать просто не желает. Так что Лена решает и дальше гнуть свою линию рационализма.

– Ну включите свою голову, девочки, пожа-а-алуйста. Вы серьёзно собираетесь меня тут взять и прикончить? У вас кишка-тонка – это раз. Во-вторых, за последствия любого своего поступка нужно отвечать, а к таким последствиям, что последуют за моей смертью, вы не готовы – это два. Вы просто хотите запугать меня, чтобы впредь я вела себя тише воды, ниже травы, и самыми яркими персонами в классе станете вы. Вот вам мой ответ: не дождётесь. Волосы мне не жалко, отрастут. А эти можете оставить себе на память, даже повесить в рамочке на стеночку как доказательство своей непроходимой тупости.

А теперь – важно победоносно улыбнуться. Не вяло, только не вяло!.. Только бы не выдать своё настоящее состояние...

Одноклассниц пугает в Лене такая уверенность, ведь нет и пяти минут, как она рыдала тут, на стульчике перед ними, от отчаяния и страха. Даже девочка с ножницами показывает свой испуг: отшатывается от Лены и роняет те самые злополучные ножницы и пшеничные локоны... Лена, концентрируясь на том, чтобы выглядеть гордо и независимо, одёргивает руки оторопевших злюк – рюкзак возвращает себе тоже, твёрдо встаёт на ноги и устремляется на выход. Не забыв громко захлопнуть за собой дверь. За спиной успеваешь услышать:

– Точно ведьма... Прокляла нас, блин!

Лена закатывает глаза. О, боже, да кому они нужны...

Только оказавшись достаточно далеко от школы, Лена даёт волю всему, что сдерживала с таким трудом. Небо плакало вместе с ней проливным дождём, гроыхало, как гнев и обида в её душе. Она ничего этим девочкам не делала плохого, попросту ничего. Всегда старалась быть к ним добра и вежлива. Помогала, чем могла. Пару раз даже гуляли вместе. И вот...

Всё это время они ей завидовали. Подружки хороши, чего тут скажешь.

Вот вроде бы за год учёбы в этой школе должна бы вписаться в коллектив, да нет же. И так меняет школу за школой, и всё одно и то же, ну что ты будешь делать.

Что же... что же, зато у неё такая хорошая мама. Нужно поделиться с ней всем пережитым. Она поможет найти способ, как унять душевную боль! Да! Скорее домой... Вот только так темно, так ветрено, так страшно, а фонари не горят, а автобус всё не идёт, а на остановке стайка пожилых пьяниц с нехорошей энергетикой поглядывает в сторону Лены, свистит её школьной юбке чуть выше колена.

Да что ж за день такой!

Ладно. Ладно. Так бывает... Такое случается. Ничего эти – безусловно, жуткие – люди, с ней не сделают. Ведь чуть что – Лена закричит или убежит. Всё это – не более чем их спектакль перед дружками... И девочка с ножницами, быть

может, тоже всего лишь играла роль – роль безжалостного инквизитора?

Ливень бьёт по земле. Лена, хоть и прячется под козырьком остановки, попадает под дождь – это всё ветер такой силы...

Злые одноклассницы. Злые мужики. Злая погода.

Под скрежет зубов, со сжатыми кулаками и красными из-за невыплаканной – своей – злости Лена мечтает о мести. Вот придёт завтра в школу, вымажет стулья этих дур клеем, пусть сидят на одном месте, пока мозги не появятся. Или нет... лучше, пусть их ударит сегодня же молнией, мир только лучше без таких станет, вот честно. Или...

По телу пробегает дрожь. Лена еле слышно охает. Да нет же, не хочет она на самом деле ничего такого, просто эмоций много. Несправедливый день! Одно за другим, как тут оставаться спокойной и доброй?

Как хорошо, что наконец-то подъезжает автобус. Оплатив проезд, Лена выискивает самое укромное место, накрывает лицо капюшоном толстовки, проводит ногтями, как сердитая кошка, по эмблеме своей гимназии, и уходит в свой мир, закрываясь от внешнего.

А там...

Там звёзды, свобода и говорящие коты. Там светлячки прилетают, стоит наступить тьме. Там только Лена и её мама – пекут пирог с вишней, пьют чай с душицей и решают, когда высадить в теплицу рассаду помидоров, которые пока

томятся на подоконнике. Там не бывает страшно, и котики сверкают глазами жёлтыми, на ночь читая им сказки.

Мир Лены очень маленький.

Предсказуемый.

Безопасный.

Такой родной.

А главное – в нём так незаметно летит время. Вот уже ноги к порогу дома её привели, пока сознанием Лена пребывала в мире грёз.

И вот – м-а-м-а.

С розовым полотенцем на голове, в пушистых тапочках и с чашкой горячего какао в руках. Смотрит на Лену округлившимися глазами. Взволнованно произносит:

– Дочь, на тебе лица нет. Что случилось?

Лена заходит в дом, скидывает рюкзак и тяжело вздыхает. Мама пятится.

– Что-то страшное?..

Как бы Лене хотелось, что мама её просто молча обняла и всё... Но у мамы шок. Теперь главное не ввести её в ещё больший ступор, но и не соврать. Ведь так нужна поддержка...

Но как же стыдно, что Лена заставляет её беспокоиться!

– Я... всё очень плохо, мам. Я больше не пойду в эту школу, ладно?

Мама опускает плечи.

– Опять травят?

– Я... я бы не называла это так.

– Что они сделали?

Мама расставляет руки на талии и смотрит строго – но не на Лену, а на образы обидчиц её дочери в своей голове.

– Они отрезали мои волосы, видишь? – девочка поворачивается спиной. Мама охает и дрожащими руками гладит пшеничные локоны, срезанные неровно и некрасиво. – Но это ничего, схожу в парикмахерскую, там всё поправят.

Мама прижимает Лену к себе. Девочка чувствует её дрожь, слышит, как часто бьётся сердце, и приглушённый плач – тоже слышит. Мама даже не обнимает – сжимает Лену, как дети сжимают в объятиях любимую плюшевую игрушку в моменты тоски.

– Мне очень жаль. Девочка моя... Мы поменяем школу. Я не понимаю, я просто не понимаю, что этим детям от тебя нужно. Я выбираю тебе лицеи, гимназии. Ты была даже в частной школе. И везде – одно и то же.

– Мама, возможно, ну их, эти «крутые» школы? Давай я пойду в обычную. Так хотя бы денег столько тратить не будешь. Я знаю, ты рассказывала, что и тебе доставалось в детстве, и ты хотела меня уберечь от этого. Но, как видишь, как бы тебе этого ни хотелось, так не получится.

Мама, вся расплаканная, смотрит в её лицо, гладит по щекам и говорит с улыбкой:

– Ты такая взрослая. Мне всё чаще кажется, что ты взрослее меня.

Лена внутри себя торжествует. Мама считает её не только равной, но ещё и авторитетом! Как же это здорово, хочется взять её за руку, смеяться и бежать под дождём, радоваться каждому мгновению жизни... Но мама может заболеть, так что Лена просто целует её в макушку – мама целовала её так, когда девочка была совсем ещё малышкой, училась кататься на самокате и постоянно спотыкалась и падала.

Но тут Лене вспоминается школьный инцидент. И поскорее, пока печаль вновь не овладела её сознанием, девочка облекает эту печаль в слова:

– Знаешь, по моим школам уже давно ходит легенда о нас с тобой. Я не знаю, как люди это умудряются придумать в двадцать первом веке. Я не знаю, кто это всё начал. Но история вот такая.

Мама поднимает указательный палец: «Сейчас, одну секундочку», – за руки тянет Лену за стол, отливает половину какао из своей нетронутой чашки в другую, посыпает маленькими зефирками, ставит на стол.

– Всё, начинай, я готова.

Лена хмыкает. Уникальная у неё мама. Лучшая. Отпив какао, Лена рассказывает и с таким видом и интонацией, будто о призраках будет идти речь:

– «Живут на краю нашего небольшого города две ведьмы: мама и её дочка. Приехали они пару лет назад, и теперь горожане не знают спокойствия»...

– Так уж и не знают, – хихикает мама. – Просто все соки

из них выпиваем своей тихой-спокойной жизнью.

Лена, изображая простодушного рассказчика, энергично кивает:

– «Вот, вот! В тихом омуте водятся только черти. Красивые эти две ведьмы – мама и дочка. Соседи видят часто, как они ходят в лес в полнолуние. Должно быть, духов призывают или с демонами танцуют»...

Мама давится от смеха. Всплёскивает руками:

– Ну да, что такое медитации и просто уединение с природой, мы не слышали. И про пользу свежего воздуха для здоровья не знаем.

– «А женщина эта не стесняется несколько своих занятий. Травы собирает, заговаривает и продаёт. Небось, души человеческие забирает у наивных людей, которые их у неё покупают. А ещё свечи делает. Заговоры пишет»...

– Ну да, так у нас теперь стихи называются.

– «Таких, как они, на кострах раньше сжигали. И правильно делали. Мало ли что на уме у этих ведьм?»

– Ой-й-й, очень удобно. Брать смелых, умных и привлекательных женщин, обвинять в ведьмовстве и казнить прилюдно. А потом говорить, что все женщины – оставшиеся в живых женщины – глуповаты и могут только рожать. И ведь если скажут, что ты колдунья, тут не сможешь доказать свою невиновность. Самовнушение – страшная сила, особенно коллективное. Дело случая, повезёт – не повезёт. Любое явление трактуется не в твою пользу.

– «Вот не зря эта дочка так хорошо учится! Энергию высасывает из других детей. Поэтому у них поведение плохое и оценки низкие!»

– Нда... – мама морщит лоб. – Я думала, больше в определённом типе людей некуда разочаровываться, а тут...

Лена прыскает.

– Мама девочек, которые меня обижали, такое рассказывали, пока их ждали со школы, представляешь? Ладно, их дети, но...

– Они до сих пор их сами забирают? – недоумевает мама, ставя чашку на колени. – Так девчонки-то уже взрослые, тринадцать-четырнадцать лет!

– Я слышала, они им в телефон установили приложение, через которое можно в любой момент подслушать, о чём их девочки говорят. Все звонки, все сообщения читают так. И отслеживают местоположение. А ещё считают каждую копейку, которую те тратят в столовой.

– Боже ж ты мой, что творится, совсем с ума сошли, – мама хватается за голову. Кружка падает на пол, а пролившимися остатками какао лакомится собака. – Знаешь, Лен, – хмуро говорит мама, – у меня есть ощущение, что девочки те не очень-то хотели во всём этом участвовать. Или сливали на тебя весь свой негатив, который у них возник из-за такой вот невольной жизни.

– Ты что, думаешь, это их мамы настолько их доводят? Разве могут взрослые люди вести себя так?..

– О-о-о, – с грустной смешинкой протягивает мама. – Ты не представляешь, какими могут быть взрослые люди безответственными. Гора-а-аздо хуже детей.

Мама забирает у Лены кружку, подбирает свою, быстренько споласкивает и вновь садится за стол с задумчивым видом. Она замирает на какое-то время, пока Лена наслаждается ощущением той опоры, которую ей даёт мама. Какое же это счастье – когда можно прийти к ней и рассказать всё-всё, что лежит на душе, и она всегда поймёт и постарается помочь. И никогда – никогда её не осудит. Они – одна команда.

– Идеальным решением проблемы был бы переезд, – наконец говорит мама. – Но меня... меня питают эти места, этот наш дом, эта природа, этот лес и озеро... Понимаешь? Я чувствую, всем сердцем чувствую, что здесь моё место. Пусть друзей тут немного, но они ведь есть, и самые верные, родные. Я должна быть здесь. А вот тебя этот город будто бы выпроваживает. Кто знает, может, так будет лучше? Нет, то, через что ты сейчас проходишь – очень, очень, очень тяжело. И я тебе ужасно сочувствую. Люди бывают жестоки... А ты... Ты сильная, умная, смелая. И ты справляешься. Ты можешь постоять за себя. Очень тобой горжусь, доченька. Но я бы на твоём месте задумалась о том, чтобы после девяти классов поступить в колледж в город покрупнее. Мне очень не хочется тебя отпускать, но судя по всему, тебе так будет лучше.

– Я, если честно, сама думала об этом. Можно попросить-

ся пожить у нашей родни, да ведь? Мне, конечно, страшно-вато, но оставаться здесь ещё страшнее. Спасибо, что поняла всё без слов, мам.

– Ну, конечно. В городе твоей мечты есть возможности, перспективы. А тут... тут только обиды. А на счёт тех девчонок... завтра же подниму вопрос с переводом в другую школу, ты больше их не увидишь. А вот я, уж поверь мне, устрою завтра встряску. Столько злости сейчас во мне... Так, а пока... пока, моя дорогая, не подышать ли нам свежим воздухом, чтобы обоим прийти в себя и успокоиться – хотя бы до завтрашних баталий?

Они стоят на крыльце, обнявшись. Смотрят на капли дождя в свете фонаря. Слушают, как плач природы говорит им: «Трудности – не навсегда. Вы справитесь. Ведь вы есть друг у друга. Одни на всём белом свете». Лена выходит под дождь. Босиком. Поднимает руки к небу. Закрывает глаза. Вдыхает грядущую свободу и счастливые перемены. Они щекочут душу.

Смеётся.

Мама улыбается. Лена зовёт её рукой и, немного помявшись, задрав халат, чтобы не испачкать в грязи, мама бежит к ней. Они поют старую добрую песенку, приплясывая, а мама шутит и смущается:

– Я как маленькая девочка!..

А Лена кружит её за руки и говорит:

– Просто ты живая, мама. Ты такая живая!..

Всё это и есть – настоящее колдовство.